

Н.Е. Никонова

ПИСЬМА СЕСТЕР ЭГЛОФФШТЕЙН К В.А. ЖУКОВСКОМУ: ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИВОПИСИ¹

В статье впервые публикуются в оригинале и русском переводе, а также комментируются 7 писем 1820–1840-х гг. из архива В.А. Жуковского, принадлежащих авторству известных немецких современниц поэта, представительниц круга веймарских геттанцев: художницы Юлии фон Эглоффштейн (1792–1869) и ее старшей сестры Каролины фон Эглоффштейн (1789–1868). Письма немецких графинь значительно дополняют представление об участии Жуковского в истории организации живописных собраний (фонд Эрмитажа), а также о его контактах с немецким миром, европейскими монаршими династиями, литераторами, музыкантами и художниками.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Юлия фон Эглоффштейн, Каролина фон Эглоффштейн, переписка, немецкая живопись XIX в., Веймар, институциональная история литературы, институциональная история живописи.

В современной гуманитарной науке художественная словесность рассматривается как система текстов, связанная напрямую с разнообразными социальными институтами, организующими воспроизводство и функционирование культуры. Признанным фактом является и то, что русская литература приобрела самостоятельный институциональный характер в течение второй половины XVIII – первой половины XIX в., в том числе благодаря усилиям ряда выдающихся писателей, ставших организаторами литературного быта. Одним из них был В.А. Жуковский, чья роль в

¹ Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

формировании институций мировой культуры освещена фрагментарно, во многом в силу недостаточности источниковой базы. Жуковский придал модели кружковой (дружеской) словесности, доминирующей в начале XIX в., общеимперское социально-идеологическое значение, найдя прямой выход к институтам власти и каналам имперской коммуникации (придворное сообщество, отдельные ведомства, цензура).

С одной стороны, публикуемый впервые материал писем немецких графинь Юлии и Каролины Эглоффштейн, сохранившийся в архивах Жуковского, дополняет важнейшими фактами представление о значимости его деятельности в истории организации живописных собраний (фонд Эрмитажа). С другой стороны, переписка сестер и поэта позволяет уточнить источниковую базу о контактах Жуковского с немецком миром, веймарскими литераторами и европейскими живописцами.

Корреспонденты В.А. Жуковского сестры Каролина (1789–1868) и Юлия (1792–1869) Эглоффштейн – дочери графини Генриетты фон Эглоффштейн (1773–1864), вошедшей в историю немецкой литературы своими воспоминаниями о жизни веймарских гетеанцев. Эти мемуары не выходили специальным изданием, писались для дочерей и представлены частично в известной книге их потомка Г. фон Эглоффштейна [1]. После развода со своим дальним родственником графом Эглоффштейном-Арклитеном она переехала с тремя дочерьми в Веймар и вошла в организованный великой герцогиней Анной-Амалией круг известнейших немецких поэтов, писателей и музыкантов. Как и мать, Каролина и Юлия, а также их сестра Августа сыграли важнейшую роль, прежде всего, в институциональной истории немецкого словесного, музыкального и художественного искусства, служили при дворе монарших особ, поддерживали тесные дружеские и деловые связи с императорскими семьями и их окружением в Европе и России. Однако их собственное наследие остается доныне малоизвестным. Источниковая база недостаточна для комплексного исследования литературной деятельности Августы, картин Юлии, музыкальных произведений и кружковой деятель-

ности Каролины, публикуемый материал писем к В.А. Жуковскому частично восполняет и этот пробел.

Изучение роли русского поэта в институциональной истории русской литературы приобрело особую актуальность в 2010-е гг.: во-первых, в связи с завершением работы над изданием его произведений и началом эдиционной работы над эпистолярием (первый из шести томов писем вышел в 2018 г. [2]); во-вторых, благодаря комплексному осмыслению его культуртрегерской деятельности в пространстве русско-немецкого трансфера [3]. Однако необходимость обращения к переписке Жуковского с графинями Эглоффштейн была продиктована и насущными задачами. Во-первых, в 1992 г. к 200-летию со дня рождения художницы Юлии фон Эглоффштейн был издан первый каталог ее работ [4], из которого стало ясным, что в ее наследии имеется множество лакун, при этом крупнейшие произведения оказались связанными с Россией и с Эрмитажем. В поисках ответа на запрос европейских коллег о полотнах Юлии и было решено обратиться к письмам, которые ранее не привлекли к себе должного внимания, в том числе и потому, что представляют трудность для исследователя, не владеющего навыками расшифровки готической скорописи, контекстом житнетворчества Жуковского и историко-культурного развития немецкого мира. Во-вторых, в 2018 г. при подготовке «Собрания немецких сочинений и автопереводов» [5] В.А. Жуковского в архиве Гете и Шиллера обнаружился ранее не известный текст его поэтического послания на немецком языке, адресованного графине Юлии фон Эглоффштейн. Такая находка поставила Жуковского в один ряд с целой плеядой немецких поэтов (И.В. Гете, Л. Тиком, Ф. Мюллером и др.), авторов посвящений Юлии. Это стихотворение русского романтика [5. С. 38–39] заставило нас пересмотреть контакты поэта с известным веймарским семейством:

<An Gräfin Julie von Egloffstein>

Willst du lesen diese Worte
Und enträtseln ihren Sinn? –
Lesen mag sie, wer den Schlüssel

<Графине Юлии фон Эглоффштейн>

Ты хочешь прочесть эти слова
И разгадать их смысл? –
Тот прочтет их, кто ключ

Zu den heil'gen Ziffern hat;
Und der Schlüssel – Glaube ist es,
fromm-ergeb'ner, treuer Glaube,
An die ew'ge Liebe – Gott!

К священному шифру имеет;
А ключ этот – Вера,
Благочестиво-смирненная, праведная Вера,
В вечную Любовь – Бога!

Немецкоязычная рукописная копия стихотворения Жуковского представляет короткое стихотворное послание, заключенное в форму загадки притчево-назидательного толка (Parabel), типичную для европейской духовной поэзии. Ключом к «шифру» («Ziffern»), как называет его автор послания к Ю. Эглоффштейн, выступает вероятнее всего, библейское изречение «Nun aber bleibt Glaube, Hoffnung, Liebe, diese drei; aber die Liebe ist die größte unter ihnen» (I. Kor. 13. 13) / «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (I Кор. 13:13).

Датировка, указанная в рукописной копии, сохранившейся в архиве Гете и Шиллера, представляется несколько неточной, поскольку 14/26 октября 1827 г. Жуковский находился в пути из Дерпта в Петербург. Фамилия Эглоффштейн фигурирует в дневниках и письмах Жуковского к канцлеру Ф. фон Мюллеру с 1826 по 1846 г., более часто Жуковский встречался и переписывался со старшей из сестер, Каролиной, но в его эгодокументах находится несколько свидетельств, исходя из которых можно датировать знакомство и тесное общение с Юлией, ее матерью, сестрой, отчимом и теткой 5–6 сентября (24–25 августа) 1827 г., когда Жуковский посещал ее дом как минимум трижды и познакомился с ее работами: «24 (5), среда: Поутру у графини Эглоффштейн: Юлия, тетка, граф майор, графиня с дочерью. <...> После обеда опять к Гете. От него к Юлии Эглоффштейн. Ее портрет, портрет ее матери; герцогини»; «25 (6), четверг. К Юлии Эглоффштейн. Разговор о Каподистрия, императрице. Портрет. Рисунки» [6. С. 292].

Стихотворение, обращенное к юной графине Эглоффштейн, по своей поэтической семантике тесно связано с другим немецким посвящением 1847 г., адресованным О. Бобринской и имеющим композицию, напоминающую самый древний вид церковной проповеди – аллегорическую омилию (изъяснительная беседа), которая по законам риторики должна была состоять из вступле-

ния, изложения и заключения. 1) Вступление напоминает адресату о триаде христианских добродетелей, последовательность которых в тексте нарушена: Вера, Любовь, Надежда. Тем самым Жуковский, вслед за Дрезеке, вступает в полемику с Библией и Иоанном Златоустом, согласно которым «любовь <...> больше», потому что «вера и надежда прекращаются, когда являются блага, составляющие предмет веры и надежды. <...> Потому они прекращаются, когда те являются; а любовь тогда особенно и возрастает и делается сильнейшей» (Толкования на 1 Кор. 13:13); 2) следующие за этим восьмистишие (ababccdd) и четырёхстишие (eeff), написанные четырёхстопным хореем, реализуют дискурс совместной молитвы автора и адресата о даровании трех благ – веры, божественной любви и надежды, каждому из которых дополнительно посвящается отдельное шестистишие, представляющее собой секстину с рифмовкой ababcc; 3) последняя секстина осуществляет синтез всех описываемых благ, собирая их вместе. Характерные для манеры Жуковского аллитерации на S (Seele – Sorgen – Seufzer), L (Leid – Leben – Liebe – lebt), G (Graun – Gott – Glaube – Gram – Glühen) дополняют эстетически насыщенное поэтическое убранство послания [5. С. 46–47]:

**An Olga Gräfin Bobrinski,
Bad-Ems, den 11/23 Juli 1847**

Glaube lass sie himmelan,
Vater, hin zu dir geleiten;
Liebe auf des Lebens Bahn
Als ein Engel stets begleiten;
Hoffnung zeig' des Himmels Kron'
Als der wahren Treue Lohn.

**Графине Ольге Бобринской,
Бад-Эмс, 11/23 июля 1847**

Вере позволь ее к небесам,
Отче, к Тебе, направить;
Любви – на жизненном пути
Как ангелу всегда сопровождать;
Надежде – показать небесный <неувядаемый>
венец
Как праведной верности награду.

Поэтическая семантика обоих посланий восходит опосредованно и к хорошо известному Жуковскому сочинению немецкого проповедника И.Г.Б. Дрезеке (Dräseke, J.H.B.; 1874–1849) под заглавием «Glaube, Liebe, Hoffnung» («Вера, любовь, надежда»). Книга вышла в 1813 г., снискала популярность в немецком мире и получила широкое распространение в качестве учебного пособия,

использовавшегося для домашнего чтения, а также христианского воспитания юношей и девушек. Композиция книги Дрезеке не определяется непосредственно ее заглавием. Три христианские добродетели не являют для него предметного ряда для последовательной рефлексии, как для Жуковского. Проповедник выделяет из этой триады лишь центральную добродетель, посвящая ей 4-ю и 5-ю части своего труда: «Ich soll Ihn lieben» («Я должен любить Его»), «Ohne Liebe wär' ich tot» («Без любви я был бы мертв»).

Несколько экземпляров этой брошюры, сохранившиеся в наследии Жуковского, являются важнейшим и интереснейшим артефактом, поскольку открывают новые грани его биографии и творчества. Издание 1814 г. – одно из немногих свидетельств живого диалога В.А. Жуковского и М.А. Протасовой. Второй экземпляр издания был подарен поэтом графине С.А. Самойловой, сопровождавшие его строки содержали обоснование собственного учения о воспоминании и философии «фонаря» как постоянного движения к счастью. Третий экземпляр 1817 г. Дрезеке был преподнесен Жуковским 18 декабря 1823 г. вместе с А.А. Воейковой товарищу по «Арзамасу» П.И. Полетике, Дрезеке и на этот раз возник в связи с сокровенным воспоминанием о М.А. Протасовой, ушедшей из жизни в марте 1823 г. [7]. Обращения к Ю. Эглоффштейн и О. Бобринской дают основание считать, что в жизни Жуковского были и те экземпляры брошюры, которые прилагались к стихотворным посланиям на немецком языке. Жизнетворческий потенциал идей Дрезеке, очевидно, приобрел для Жуковского скрытое смысловое измерение. То, что заложенный в заглавии книги триединый комплекс христианских добродетелей раскрывался главным образом в сопряженности с дорогими поэту женщинами (М.А. Протасовой-Мойер, С.А. Самойловой, А.А. Протасовой-Воейковой, О.П. Бобринской и Ю. фон Эглоффштейн), несет в себе идею наставнической роли в отношении юной особы и в то же время мистического чувства единения («милого вместе»), возможного не в земном пространстве.

Другие послания Жуковского к семье Эглоффштейн до нас не дошли. Сохранилась лишь одна записка поэта к их отчиму барону

К.В. Болье-Марконней (1777–1855), придворному герцога Ольденбургского с приглашением на обед [8]. Публикуемые семь писем Юлии и Каролины достаточно полно характеризуют габитус поэта и переводчика Жуковского как покровителя талантов, ходоатайствующего перед русской царской фамилией, как ценителя искусства и активного участника многих европейских институций классической культуры XIX в.

Письма Каролины и Юлии фон Эглоффштейн на немецком и французском языках публикуются в хронологическом порядке, в орфографии рукописных оригиналов, как это принято в европейской эдиционной традиции. Переводы выполнены автором статьи. Подробности об упоминаемых в посланиях фактах биографии адресатов, персоналиях, произведениях искусства приводятся в комментариях.

Настоящая статья была бы невозможной без участия глубокоуважаемых коллег в России и Германии. Выражаю глубокую благодарность за помощь в работе с архивными материалами, за поддержку и содействие Ладе Ивановне Вуич, Хольгеру Зигелю, Анне Фукс, Ольге Борисовне Лебедевой и Ирине Анатольевне Вяткиной.

***1. Caroline von Egloffstein an <Emilie von Schiller>
durch V. Joukoffsky
den 5. August <1826>, Bad Ems***

Ems. Am 5ten Aug.

So schwer es mir auch wird, in vielfacher Beziehung, die Feder zu ergreifen und der holden Emilie¹ mit meinem Nahmen auch die fernste Theilnahme an ihrem unersetzlichen Verlust² ins Herz zurück zu rufen – so muß ich dennoch mit schwacher Hand einige Worte dem Überbringer dieser Zeilen, dem rußischen Dichter, Hofrath von Joukoffsky anvertrauen, damit er seinen heißen Wunsch erfüllt und die Familie des unsterblichen Schillers sehen kann.

Der edle Charakter der Nordländer³ ist von allen Seiten anerkannt, u. es macht mir daher eine Freude als Vermittlerin zwischen so trefflichen Menschen stehen und Bekanntschaft stiften zu können.

Gustchen⁴ ist hier, sehr schwach, sehr leident, meine theure Emilie! Aber sie grüßt mit alter treuer Liebe. Wie tief wir alle, alle mit Euch trauern, brauche ich nicht deutlich zu machen.

Gott stärke und segne Dein schönes Herz u. erfülle meine besten Wünsche für Dein Wohlergehen

Caroline Egloffstein

*1. Каролина Эглоффштейн <к Эмили Шиллер>
через В.А. Жуковского
5 августа <1826 г.>, Бад Эмс*

Эмс. 5 авг<уста>.

Как бы мне ни было тяжело во многих отношениях взяться за перо, чтобы выразить от своего имени моей милой Эмили¹ глубочайшее сожаление по поводу невосполнимой потери² ее сердца, но я должна дрожащею рукой передать несколько слов в этих строках через русского поэта придворного советника Жуковского, чтобы он исполнил свое горячее желание и увидел семью бессмертного Шиллера.

Благородный характер северян³ известен всем, и мне радостно выступать посредницей в знакомстве таких прелестных людей.

Густхен⁴ здесь, очень слаба, очень страдает, моя драгоценная Эмилия! Но она шлет тебе привет с верной любовью. Насколько глубоко мы все-все тебе соболезуем, мне не нужно объяснять подробнее.

Пусть Господь укрепит и благословит твое прекрасное сердце и исполнит мои наилучшие пожелания твоего благоденствия

Каролина Эглоффштейн

Автограф: ОР ИРЛИ. Онегинское собрание. № 28339. Л. 1–1 об.

Настоящее письмо, скорее всего, следует датировать 5 августа 1826 г. В это время Каролина Эглоффштейн находилась на водах в Бад Эмсе как придворная дама великой герцогини Саксен-Веймар-Эйзенахской и великой княжны Марии Павловны (1786–1859).

Послание предназначалось дочери Ф. Шиллера Эмилии, но сохранилось в бумагах В.А. Жуковского, который, очевидно, должен был представиться семье немецкого поэта, передав его по адресу, однако этого не осуществил, отправившись из Эмса не в Веймар, но с А.И. Тургеневым в Дрезден.

Основанием для датировки служит выражение соболезнований по поводу кончины матери Эмилии Шарлотты фон Шиллер (урожд. Ленгефельд), которая умерла 9 июля 1826 г. Письмо отправлено спустя почти месяц, когда вести об этом событии могли дойти до Эмса.

¹ der holden Emilie / милой Эмилии – дочь Фридриха Шиллера и Шарлотты Шиллер (Charlotte von Schiller, 1766–1826) Эмилия фон Шиллер (Emilie von Schiller, 1804–1872), которая в 1828 г. стала супругой баварского камергера Адальберта фон Глейхен-Руссурма (1803–1887).

² an ihrem unersetzlichen Verlust / невосполнимой потери – супруга Ф. Шиллера и мать Эмилии скончалась 9 июля 1826 г. в Бонне вследствие операции на глаза.

³ Der edle Charakter der Nordländer / Благородный характер северян – в переписке К. Эглоффштейн Жуковский фигурирует как «поэт с севера» благодаря канцлеру Ф. Мюллеру, который по получении от графини строк Жуковского «К портрету Гете» (1824) включил в свое стихотворение, отправленное графине в ответ, такое приветствие русскому поэту: «Dem Nord'schen Sänger auch, der goldne Worte // Zu unsers Meisters theurem Bild fand» [9]. Перевод: А также северному певцу, который отыскал золотые слова // К дорогому портрету нашего учителя.

⁴ Gustchen / Густхен – графиня Августа фон Эглоффштейн (Auguste von und zu Egloffstein, 05.11.1796–01.11.1862), дочь графа Леопольда Эглоффштейна и графини Генриетты Эглоффштейн, младшая из сестер Эглоффштейн, которая с рождения страдала от тяжелой болезни сердца. Августа писала стихи, сборник ее поэзии вышел посмертно под заглавием «Из дневника. Стихотворения графини Августы фон и цу Эглоффштейн» [10] и неоднократно переиздавался.

2. Caroline von Egloffstein an V. Joukoffsky den 16. Januar 1831, Weimar

Weimar, le 16 Janvier, 1831

Me pardonnez-vous, mon bon Monsieur Joukoffsky, d'oser vous importuner, non seulement par une lettre, mais – qui pis est – par une commission, qui pour tout autre que vous serait aussi désagréable qu'incommode. Mais il s'agit de faire du bien, et je sens d'avance que vous ne me refuserez pas!

Il faudrait mettre aux pieds de votre bien aimée Impératrice¹ une humble supplique pour faire parvenir une juste prière à l'Empereur².

Une Dame dont la fortune consiste en si peu de chose que la perte d'une pension de 66 florins qu'elle tirait des bonnes grâces de feu l'Impératrice mere³ (ayant été Dame d'honneur auprès la Duchesse de Wurtemberg, Grandmère de l'Empereur⁴) menace de ruiner complètement, d'autant plus, que son petit revenu diminue à la mort de chaque duc de Wurtemberg⁵ (fils de feu La Duchesse, mere de feu l'Impératrice mere) et qu'elle risque de perdre de quoi exister si la bonté ineffable de l'Empereur ne daigne pas descendre jusqu'à elle pour lui continuer la petite pension que l'Impératrice Mere lui avait garantie pour la vie – voilà la prière que je mets entre vos mains pour la faire parvenir jusqu'au trône. Il paraît que tous les essais ont manqué, que la mission de Wurtemberg même n'a pu obtenir une réponse; Md. d'Egloffstein⁶ est ma parente, et puisque je connais vos sentimens généreux, je compte tellement sur votre âme bienfaisante, que je ne rougis pas même de vous importuner. Je regarde la chose comme arrangée dès qu'elle sera connue, et puisqu'on a continué une pension bien plus considérable à la Comtesse Henkel⁷ (Grande Maîtresse de notre Grande Duchesse, cidevant Grande Maitresse de feu la Grande Duchesse Hélène de Mecklenbourg⁸) – je suis persuadée qu'on ne voudra pas rétirer cette pauvre modique pension.

Je jouis dans ce moment du bonheur d'avoir **avec moi** ma mere et ma soeur Auguste; la première me charge de mille amitiés pour vous, et sûrement vous vous rappelez du penchant qu'elle a pour vous. Ma pauvre petite soeur est toujours souffrante, elle supporte avec une douceur angélique son triste sort⁹ – elle vous salue de tout son coeur. Ma soeur Julie qui est en Italie, comme sûrement vous l'avez entendu, ne reviendra qu'au printemps; elle s'est souvenu bien des fois de votre prophétie à ce sujet, et feu notre bien chère GrandeDuchesse Mere¹⁰ m'a rappelé en riant la promesse que vous aviez mis comme signature sous votre portrait¹¹. – Dieu veuille que ce voyage ait pu remettre la santé délabrée de cette soeur chérie, et qu'elle nous revienne avec de nouvelles forces ayant laissé ses maux et sa noire hypochondrie derrière elle.

La santé de Goethe s'est parfaitement remise¹² et il vit pour le bonheur de sa famille et de ses amis, un miracle après tout ce qu'il a perdu en si peu de tems, – après tout les terribles événements de nos

jours. N'en parlons pas – il n'y a que la grâce de Dieu qui peut nous tirer des malheurs de la guerre qui nous menacent; – c'est lui qui ouvrira les yeux aux aveugles et fera descendre la miséricorde dans les coeurs des Grands!!

Adieu, et mille pardons! Je fais des vœux pour votre bonheur en vous priant de me rappeler au souvenir de notre chère amie Pluscoff¹³, ainsi que Kitty Tcheffkin¹⁴ qui est ici avec son joli petit bambin¹⁵. Adieu.

Caroline Egloffstein

Le Chancelier Muller¹⁶ vous dit bien des choses amicales
Que fait Reutern¹⁷?

2. Каролина Эглоффштейн к В.А. Жуковскому
16 января 1831 г., Веймар

Веймар, 16 января 1831

Простите меня, милостивый государь Жуковский, что осмеливаюсь вам докучать и не только письмом, но – что хуже всего – поручением, которое ко всему прочему может показаться Вам как неприятным, так и неудобным. Но речь идет о благом деле, и я заранее чувствую, что Вы мне не откажете!

Нужно донести к ногам Вашей горячо любимой императрицы¹ смиренное прошение доставить одну лишь просьбу императору². Одна дама, чье состояние так невелико, что потеря содержания в 66 флоринов, которые она получала по милости покойной императрицы-матери³ (когда была фрейлиной герцогини Вюртембергской, бабушки императора⁴), ставит ее под угрозу полного разорения, тем более что ее малый доход сокращается после смерти каждого из герцогов Вюртембергских⁵ (сына покойной герцогини, матери покойной Императрицы-матери) и что она рискует потерять средства к существованию, если несказанная доброта императора не снизойдет на неё, чтобы сохранить ей небольшое содержание, которое императрица-мать обещала выплачивать ей пожизненно, – вот просьба, которую в Вашей власти доставить к трону императора. Кажется, все попытки доныне были тщетны-

ми, и на обращение к самому Вюртембергу не последовало ответа; г-жа Эглоффштейн⁶ – моя родственница, и поскольку я знаю благородство Ваших чувств, я так рассчитываю на Вашу благодетельную душу, что даже не считаю постыдным беспокоить Вас. Я считаю, что дело уладится, как только о нем станет известно, еще и потому, что недавно графине Хенкель⁷ (фрейлине нашей великой герцогини, ранее фрейлине покойной великой герцогини Елены Мекленбургской⁸), продлили содержание, по сумме еще более значительное, – я убеждена, что [у нее] не захотят отнять это несчастное скудное содержание.

Я наслаждаюсь в этот момент счастьем в компании матушки и моей сестры Августы, первая шлет вам тысячу дружественных приветов, и, конечно же, вы помните о ее привязанности к Вам. Моя бедная сестра все так же нездорова, она с ангельской кротостью переносит свою печальную участь⁹, она Вас приветствует от всего своего сердца. Моя сестра Юлия, которая сейчас в Италии, как наверняка вы уже слышали, приедет только лишь весной; она, конечно, вспоминала много раз Ваше пророчество по этому поводу, и наша горячо любимая великая герцогиня-мать¹⁰ напомнила мне, смеясь, обещание, которое Вы поставили в качестве подписи под Вашим портретом¹¹. – Богу угодно, чтобы это путешествие смогло поправить расшатанное здоровье дорогой сестры и чтобы она присоединилась к нам с новыми силами, оставив свои горести и мрачную ипохондрию позади.

Здоровье Гете чудесным образом наладилось¹², и он живет для счастья своей семьи и друзей, что чудо после всего, что он потерял за такое короткое время, после всех ужасных событий наших дней. Не будем об этом – есть только милость Божья, что спасает нас от бедствий войны, которые нам грозят, – пусть Бог откроет глаза слепцам и ниспошлет милосердие в величие сердца!!

Прощайте и примите тысячу извинений!

Желаю от всей души самого доброго Вашему счастью и прошу Вас напомнить обо мне нашей дорогой подруге Плусковой¹³, а также Китти Чевкиной¹⁴, которая здесь со своим милым мальчуганом¹⁵. Прощайте.

Каролина Эглоффштейн

Канцлер Мюллер¹⁶ шлет Вам дружественный привет.
Чем занят Рейтерн?¹⁷

Автограф: ОР ИРЛИ. Онегинское собрание. № 28339. Л. 6–7.

Настоящее послание представляет собой первое письмо Каролины Жуковскому, деловой характер письма-ходатайства подчеркивается выбором французского языка, принятого в качестве официального для обсуждения официальных вопросов при всех европейских дворах. Обращение Каролины открывает историю тесного взаимодействия трех поколений российско-германских придворных институций и монарших домов: русских великих княжон Марии Павловны и Елены Павловны, а также их фрейлин-немок между собой.

¹ *votre bien aimée Impératrice* / Вашей горячо любимой императрицы – Александры Федоровна (урожд. принцесса Шарлотта Прусская, 1798–1860), супруга Николая I, мать Александра II, императрица российская в 1825–1855 гг.

² *une juste prière à l'Empereur* / просьбу императору – Николаю I.

³ *de feu l'Impératrice mere* / по милости покойной императрицы-матери – Марии Федоровны (1759–1828), матери Николая I.

⁴ *la Duchesse de Wurtemberg, Grandmère de l'Empereur* / королевы Вюртембергской, бабушки императора – речь идет о матери императрицы Марии Федоровны, в девичестве принцессы Софии Доротеи Вюртембергской. Как известно, династии Вюртембергов и Романовых неразрывно связаны друг с другом: в период с 1776 по 1874 г. между семьями были заключены пять браков в четырех поколениях. Две вюртембергские принцессы (Мария Федоровна и Елена Павловна) вошли в историю России, и три русские великие княжны – две из них ставшие королевами (Екатерина Павловна, дочь Павла I, и Ольга Николаевна, дочь Николая I), а одна герцогиней Вюртемберга – снискали уважение в Вюртемберге.

⁵ *à la mort de chaque duc de Wurtbg* / после смерти каждого из королей Вюртембергских – с 1816 до 1864 г. во главе королевства Вюртембергского стоял Вильгельм I (1781–1864); после революции во Франции в начале 1831 г. в Вюртемберге происходили активные реформы, обусловленные подъемом либеральных сил, который поддерживался и королем, опосредованно этот историко-политический контекст мог обусловить необходимость ходатайства графини перед российским двором.

⁶ *Md. D'Egloffstein est ma parente* / г-жа Эглоффштейн – моя родственница – речь идет об известной и влиятельной персоне Каролине фон Эглоффштейн, урожденной Ауфсэсс (Carolina Augusta Sophie Wilhelmina von und zu Egloffstein, Freiin von und zu Aufseß, 1767–1828), тете сестер Юлии и Каролины, которая занимала одну из высочайших должностей при дворе великого княжества Веймар-Эйзенах во время правления великой герцогини Анны-Амалии и была супругой

главного маршала. Сестры Каролина и Юлия вошли в придворные круги и высший свет Веймара во многом благодаря ее содействию: Каролина была придворной дамой Марии Павловны в 1815–1831 гг., Юлия выступала фрейлиной великой герцогини Луизы Саксен-Веймар-Эйзенахской в 1824–1830 гг. В данном случае ее имя упомянуто как имя авторитетной и известной российскому двору персоны.

⁷ la Comtesse Henkel / графине Хенкель – речь идет об Оттилии Хенкель фон Доннерсмарк, урожд. Лепель (Otilie Henkel von Donnersmarck, geb. von Lepel, 1756–1843), которая с 1799 г. была главной придворной дамой Елены Павловны, великой герцогини Мекленбург-Шверинской и великой княжны российской, а после ее смерти в 1804 г. перешла на ту же высокую должность при дворе ее сестры Марии Павловны, великой герцогини Саксен-Веймар-Эйзенахской. Дочь графини Хенкель Генриетта фон Погвич (Henriette von Pogwisch, 1776–1851) также служила фрейлиной при веймарском дворе Марии Павловны и была близкой подругой тети Юлии и Каролины (см. о ней предыдущее примечание). Сестер Эглоффштейн, в свою очередь, связывала тесная дружба с ее дочерьми Ульрикой и Оттилией фон Погвич (будущей супругой сына И.В. Гете Августа), и вместе они образовали в Веймаре известный литературный и музыкальный кружок «Содружество муз» („Musenverein“).

⁸ la Grande Duchesse Hélène de Mecklenbourg / великой герцогини Елены Мекленбургской – великая герцогиня Мекленбургская и великая княжна российской Елена Павловна (1774–1803), старшая сестра великой герцогини Веймарской и великой княжны российской Марии Павловны. Скончалась при вторых родах, была глубоко почитаема и любима подданными, как и сестра.

⁹ son triste sort / свою печальную участь – из-за врожденного порока сердца Августа Эглоффштейн испытывала трудности со здоровьем на протяжении всей жизни и была ограничена в передвижении.

¹⁰ notre bien chère Grande Duchesse Mere / наша великая герцогиня-мать – Мария Павловна была великой герцогиней княжества Саксен-Веймар-Эйзенахского с 1828 г.

¹¹ la promesse que vous aviez mis comme signature sous votre portrait / Вы поставили в качестве подписи под Вашим портретом – речь идет, очевидно, об одном из портретов В.А. Жуковского, созданных ранее даты написания данного письма, то есть до января 1831 г. Поэт мог передать его великой герцогине Марии Павловне в присутствии ее фрейлины Каролины фон Эглоффштейн в Санкт-Петербурге во время их совместного визита в 1824 г. В письмах к Гете и канцлеру Мюллеру из Санкт-Петербурга графиня Каролина трижды упоминает имя Жуковского: главным образом в связи со строками краткого послания, переданного им немецкому поэту вместе с медальоном с изображением по его портрету, созданному в 1819 г. Д. Доу [1. С. 243–257]. Можно предположить, что история с портретами не ограничилась только им.

¹² La santé de Goethe s'est parfaitement remise / Здоровье Гете чудесным образом наладилось – чуть больше года спустя И.В. Гете умер от осложнений после затяжной болезни, незадолго до этого он пережил смерть своего сына.

¹³ Pluscoff / Плюсковой – скорее всего, Наталья Яковлевна Плюскова (ок. 1780–1845), фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, близкая к литературным кругам; к ней обращено известное стихотворение А.С. Пушкина «К Н.Я. Плюсковой» (1818).

¹⁴ Kitty Tcheffkin / Китти Чевкиной – графиня Екатерина Фоминична Томатис (1799–1879), фрейлина двора, дочь подполковника и георгиевского кавалера Т.И. Томатиса (1753–1823), супруга генерала К.В. Чевкина (1803–1875).

¹⁵ avec son joli petit bambin / со своим милым мальчуганом – Николай Константинович Чевкин (1830–1869), единственный сын Чевкиных.

¹⁶ Le Chancellier Muller / Канцлер Мюллер – Фридрих фон Мюллер (Friedrich von Müller, 1779–1849), канцлер Саксен-Веймар-Эйзенахского Великого герцогства.

¹⁷ Que fait Reutern? / Чем занят Рейтерн? – художник, друг и будущий тесть В.А. Жуковского Герхардт фон Рейтерн (Gerhardt Wilhelm von Reutern, 1794–1865).

3. Caroline von Egloffstein an V. Joukoffsky den 6. Februar 1838, Hildesheim

Hildesheim, am 6ten Febr. 1838

Werden Sie nicht ungehalten; wenn ein längst vergessener Name so plötzlich wieder vor Ihre Augen tritt und mit dreistem Vertrauen auf Ihre frühere Güte und Freundlichkeit, beide Eigenschaften für den Überbringer dieser Zeilen in Anspruch zu nehmen wagt?

Der Historien u. Porträtmaler Grashof¹ und Mitglied der berühmten Düsseldorfer Malerakademie von woher er direkt auf seiner Reise nach Russland begriffen sehr wohl im Stande ist Ihnen von Ihrem lieben Freund Reutern² sowie auch von meiner Schwester Julie³ die besten Nachrichten zu bringen – würde Ihrer Patronage und Teilnahme an der Kunst nur Freude geben und daher Ihrer Rücksicht nicht unwürdig sein. Menschenfreundlich und kunstliebend wie ich Sie stets gekannt, werden Sie sich diesem doppelten Antrag nicht entziehen und mir hofentlich auch verzeihen dass ich, für einen Moment die lange Zeit der Trennung vergessend, Ihr Andenken sowie Ihre vortrefflichen Eigenschaften anzusprechen versuche und ohne Zaudern und Umschweife zu benützen wage. Obgleich ich Herrn Grashof nicht persönlich kenne, so haben doch seine trefflichen Leistungen mir ihn hinlänglich be-

каннт gemacht und Sie werden es nicht undankbar finden wenn sie seiner sich anzunehmen, nicht verschmähen wollen!

Verschmähen Sie auch nicht, werther Freund, einen recht herzlichen Gruß meiner geliebten Mutter zu empfangen, die mit voller Geistesfrische und Innigkeit sich erhalten und mit gleicher Lebendigkeit Ihr Andenken bewahrt hat. Meine arme kranke Schwester lebt und leidet fort - Julie schreitet auf der steilen Bahn der Kunst kräftig vorwärts – ich selbst habe mich aus dem Strom der Welt in die kleinste Ecke, aber an die Seite der besten Mutter⁴ zurückgezogen, und sehe das Leben wie ein Schauspiel an mir vorüberziehen; - jedoch stets treu und warm jeder Theilnahme offen; und daher jezt doppelt von dem traurigen Brandunglück des schönen Winterpalais⁵ betroffen und voll banger Sorge um alte Freunde die dadurch gelitten, - um Sie, die gute Pluscoff⁶, Cochetoff⁷, Zagreski⁸ et, und sehr erwartungsvoll von jedem einzeln zu hören. Vielleicht begegnet Ihnen mein Bruder⁹ noch im Lauf des Winters, und dann lassen Sie mir sagen ob Sie nicht geizt, sondern sich gut und nachsichtig erhalten haben.

Von Weimar bin ich fast getrennt, seit einem Jahr von dort entfernt weiss ich Ihnen nur von Freund Müllers¹⁰ Wohlergehen zu sagen, der stets getreulich und fleißig schreibt. Grüßen Sie Willamov¹¹ von mir, und alle die meiner gedenken mögen, - die Zahl wird sehr klein sein.

Vale faveque¹² Caroline Egloffstein

***3. Каролина Эглоффштейн к В.А. Жуковскому
6 февраля 1838 г., Гильдесгейм***

Гильдесгейм, 6 февраля 1838

Вы ведь не станете сердиться, если одно давно позабытое имя так неожиданно вновь возникнет перед Вашим взором и к тому же с дерзновенной надеждой на свойственную Вам доброту и дружеское расположение, которые требуются подателю этих строк?

Художник в жанре исторической и портретной живописи Грасгоф¹ и член знаменитой Дюсселдорфской художественной академии, откуда он направляется в свое путешествие в Россию, сможет сообщить Вам самые лучшие новости о Вашем милом

друге Рейтерне² и о моей сестре Юлии³ – пусть Ваше участие и покровительство искусству приносят только радость и пусть он будет достойным Вашего внимания. Будучи дружелюбным по отношению к людям и любящим искусство, каким я всегда Вас знала, Вы не откажетесь от этого двойного предложения и, я надеюсь, простите и мне, забыв на мгновение о нашей долгой разлуке, что решаюсь обратиться к Вашей памяти о себе и Вашим прекраснейшим качествам, и отваживаюсь на это, не мешкая и не ходя вокруг да около. Хотя я не знаю господина Грасгофа лично, его превосходные успехи довольно познакомили меня с ним, и Вы не сочтете за неблагодарность принять их и на свой счет, не пренебрегая ими!

Не откажитесь также, мой дорогой друг, принять глубоко сердечный привет от моей любимой матери⁴, которая сохранила бодрость духа и проникновенность и по-прежнему живую память о Вас. Моя бедная больная сестра все так же живет и страдает – Юлия уверенно шагает вперед по обрывистому пути искусства – сама я удалилась от мирского потока в тесный уголок, но под крыло к лучшей матери, и вижу жизнь как пьесу, разыгрываемую без моего участия; и все же я всегда верна и открыта с радостью любому в ней участию; и оттого сейчас вдвойне огорчена трагическим несчастьем в связи с пожаром в Зимнем дворце⁵ и полна беспокойства о старых друзьях, которые от него пострадали, о Вас, о доброй Плюсковой⁶, Кочетовом⁷, Загорском⁸ и других, и очень жду новостей ото всех. Вероятно, Вы еще встретитесь с моим братом⁹ на протяжении зимы, и тогда сообщите мне о том, что Вы не сердитесь, но относитесь к нам с добром и снисходительностью.

От Веймара я почти полностью отделена, находясь в течение года вдали от него, я могу рассказать Вам только о том, что хорошо поживает наш друг Мюллер¹⁰, который всегда преданно и прилежно мне пишет. Приветствуйте от меня Вилламова¹¹ и всех, кто помнит обо мне, круг их будет очень скромным.

Vale faveque¹². Каролина Эглоффштейн

Автограф: ОР ИРЛИ. Онегинское собрание. № 28339. Л. 5.

¹ Der Historien u. Porträtmaler Grashof / Художник в жанре исторической и портретной живописи Грасгоф – Отто Эрнст Фридрих Грасгоф (1812–1876), представитель дюссельдорфской школы живописи; в 1838 г. отправился в путешествие по России, где пробыл до 1845 г.

² von Ihrem lieben Freund Reutern / о Вашем милом друге Рейтерне – см. примеч. 17 к письму 2.

³ von meiner Schwester Julie / о моей сестре Юлии – здесь и далее речь идет о младшей сестре графини, художнице Юлии фон Эглоффштейн (1792–1869).

⁴ der besten Mutter / моей любимой матери – здесь и далее речь идет о матери графини Генриетте фон Эглоффштейн (Egloffstein, Henriette Gräfin von, 1773–1864).

⁵ von dem traurigen Brandunglück des schönen Winterpalais / в связи с пожаром в Зимнем дворце – речь идет о пожаре 17 (29) декабря 1837 г., в котором пострадали и были утрачены многие ценные произведения искусства, книги и документы.

⁶ Pluscoff / Плюсковой – см. примеч. 13 к письму 2.

⁷ Cochetoff / Кочетовом – вероятнее всего, Кочетов, Иоаким Семенович (1789–1854), протоиерей, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, академик Императорской академии наук, с которым графиня могла познакомиться во время своего пребывания в России 1820-е гг.

⁸ Zagorski / Загорском – скорее всего, имеется в виду Петр Андреевич Загорский (1764–1846), заслуженный профессор, академик, выдающийся анатом и физиолог, с которым графиня могла познакомиться во время своего пребывания в России в 1824 г. качестве фрейлины великой герцогини Саксен-Веймар-Эйзенахской и великой княжны Российской Марии Павловны.

⁹ begegnet Ihnen mein Bruder / еще встретитесь с моим братом – у сестер Эглоффштейн был старший брат Карл (Carl IX. August Graf von und zu Egloffstein, 1795–1887), который не был связан с литературой и искусством и служил на государственных должностях.

¹⁰ von Freund Müllers / наш друг Мюллер – см. примеч. 16 к письму 2.

¹¹ Willamov / Приветствуйте от меня Вилламова – Григорий Иванович Вилламов (1773–1842), действительный тайный советник, член Государственного Совета.

¹² Vale faveque – Будь здоров и благосклонен ко мне (лат.).

**4. Julie von Egloffstein an V. Joukoffsky
den 25. Mai 1840, Rom**

Rom, den 25ten Mai 1840

Wie soll ich Ihnen meinen Dank und meine Rührung über die neuen Beweise Ihrer Theilnahme und Güte aussprechen, welche Sie durch Ihren Brief an meine Mutter für mich an den Tag gelegt haben?!

Ich fühle mich aufs tiefste davon ergriffen, da ich mir leider bewußt bin noch nichts gethan zu haben, was mich dieses besonderen Interesses würdig machte; wie aber Gott seine Sonne über Gerechte und Ungerechte leuchten läßt¹, so verbreiten auch Sie Freude und Wohlthaten um sich her ohne erst ängstlich abzuwägen an jeden, u. verlangen auch weiter keinen andren Lohn als den ihres eigenen Bewußtseins.

Fügen Sie nun zu aller mir bisher so gütig erwiesenen Freundschaft weiter außerdem meinen tiefgefühlten unterthänigen Dank zu den Füßen Ihres allergnädigsten Herrn S. K. H. dem Großfürsten niederzulegen, für das Geschenk, welches er mir für mein geringes Werk² ertheilte (da ich nicht wage Höchstdenselben mit einem Danksagungsschreiben zu belästigen).

Ich fühlte bei dem Empfang derselben mit tiefer Beschämung wie wenig ich dafür geleistet und wie sehr ich der großmüthigen Nachsicht von S. K. Hoheit bedarf bei einem Werk welches als der erste Versuch ein Historisches u. ohne die nothwendigen Vorbereitungen nicht anders als höchst unvollkommen u. mangelhaft ausfallen konnte.

Ihre Verordnungen hinsichtlich dieses Bildes werde ich auf das gewissenhafteste und schleunigste besorgen, da es aber der Eile wegen nicht mit der Fracht (welche mehr denn acht Wochen dauern würde), sondern mit der Diligence gehen muss, sehe ich mich leider genöthigt, um die allzu großen Unkosten des Transports zu vermeiden; es ohne Rahmen zu senden. Da nun aber, wie Sie wissen, kein Bild ohne eine solche Umkleidung gesehen werden darf, wage ich es Sie zu bitten für mein armes Kind ein anständiges Kleid gütigst besorgen zu wollen damit es bei seiner Ankunft sich nicht zu schämen brauche vor seinem aller Durchlauchtigsten Herrn zu erscheinen. Ich erlaube mir (in der

Hoffnung dass Sie diese künstlerische Grille gütigst verzeihen und mit Ihrer gewohnten Milde sogar thätigst unterstützen werden) das Maß des Bildes, sowie auch die Breite des Gold-Rahmens bey, damit Sie die Möglichkeit haben mögen einen passenden Rahmen dazu vorläufig zu bestellen, in den es bei seiner Ankunft sogleich eingefügt werden könne und namentlich Sorge tragen, dass es in einem guten Licht d. h. bey einem Fenster nur gesehen werde.

Möge Gott seinen Segen geben dass die schönen Hoffnungen welche Sie mein unvergleichlicher Freund! In Beziehung auf das Bild für mich und meine künstlerische Laufbahn angedeutet haben – in Erfüllung gehen und durch Ihr mächtiges Fürwort mir neue Aufträge erteilt werden – oder was noch beglückender wäre meine Zukunft gedeckt und mein Kunststreben dadurch gefördert und erleichtert werden möchte? - Für diesen Augenblick verlasse ich zwar Italien – die Religion und kindliche Liebe, die beiden wichtigsten Webfaden im menschlichen Herzen, das große Opfer von mir heischend – und mir gebieten mich und meine Kunst auf einige Zeit zu vergessen, und der geliebten Mutter erheiternd und tröstend zur Seite zu stehen, während meine älteste Schwester ihrer Gesundheit wegen den Süden aufsuchen muss; allein der heiße Wunsch das Vaterheim wieder zu besuchen, wird mich nicht verlassen und alle meine Kräfte aufrüsten und mir die nothwendigen Mittel zu einem neuen Ausflug dahin zu verschaffen. Zu diesem Zwecke habe ich mehrere meiner hier entworfenen Compositionen (davon es mehr denn 20 sind) soweit gefördert und vorbereitet, dass ich dieselben auch in der Gegenwart zu vollenden vermögte, im Fall irgend eine Bestellung höheren Orts mir zu Theil werden sollte; und dass diese Bilder besser ausfallen werden als die Hagar, dafür stehe ich, da ich seitdem einen Riesenschritt in der Kunst gethan u. teuer das Lehrgeld bezahlte, welches jeder Anfänger zahlen muß.

Damit Sie aber einen flüchtigen Überblick meines Fleißes und eifrigen Strebens erhalten mögen, erlaube ich mir Ihnen ein Register meiner hier theils vollendeten theils begonnenen Arbeiten beyzufügen³. Ich hatte eigentlich die Absicht Ihnen mehrere derselben in leichten Umrissen beyzulegen mit der Bitte gelegentlich davon Gebrauch zu machen, allein wo die Zeit zu solchen Neben-Arbeiten her-

nehmen in einem Augenblick, wo ich jede Minute meines hiesigen Aufenthalts mit Gold aufwiegen möchte um die Vortheile welche Rom mir bietet nach besten Kräften noch zu benutzen, bevor die Zeit der Dürre eintritt in der ich leider abermals wie früher, alles nur aus mir selbst schöpfen muß u. weder durch die alten

Meisterstücke noch durch die Schönheit der Natur Belehrung mir verschaffen kann – eine Zeit, vor der mir billig grauen müsste, wenn nicht die zärtlichste Mutterliebe, welche mich darin erwartet, ein schönes Gleichgewicht herstelle zwischen dem was ich hier an geistigen Genüssen aufgebe und dort an Liebe und Theilnahme und Befriedigung des Herzens vorfinde.

Dass ich das Andenken welches ich Ihnen mein verehrtester Freund und Beschützer! für Ihr Album bestimmte, nicht durch diese Gelegenheit zusenden kann – tut mir weh -; da ich es aber gerne mit einiger Sorgfalt vollenden möchte, muss ich es leider für die Gegenwart versparen, wo es mein erstes und liebstes Geschäft sein soll, da ich das lebhafteste Bedürfnis empfinde, Ihnen, in Ermangelung etwas Besseren wenigstens einen kleinen Beweis meiner unbegrenzten Dankbarkeit zu geben.

Hinsichtlich des Bilds der Hagar habe ich keinen andern Wunsch als dass es bei seiner Reise nach dem Norden Hildesheim berühren möchte⁴, um den Meinigen die Möglichkeit zu verschaffen, es auf seinem Durchfluge zu sehen – da der Musterstecher in Dresden in diesem Augenblick verhindert ist es in Arbeit zu nehmen. Und empfangen Sie mein zweites Lebewohl aus dem lieben alten Rom! Gebe Gott, dass wir uns noch einmal darin wiederfinden mögen! Bis in den Tod Ihre dankbar ergebene

<Julie von Egloffstein>

4. Юлия Эглоффштейн к В.А. Жуковскому
25 мая 1840 г., Рим

Как мне выразить Вам свои теплые чувства и благодарность за новые доказательства Вашего участия и доброты, которую Вы еще раз подтвердили в предназначенном мне письме, отправленном моей матери?!

Я чувствую себя чрезвычайно неловко, так как понимаю, что не осуществила еще ничего такого, чем могла бы оправдать подобный интерес; но так же, как Бог повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми¹, так и Вы распространяете вокруг себя радость и добродетельные поступки, никого не отвергая, и не требуете впредь никакой расплаты, кроме как той, что будет определена в собственном осознании.

Прибавьте теперь к моим искренним дружеским чувствам глубочайшую признательность, чтобы принести их к ногам Вашего почтеннейшего великого князя, за подарок, который он определил мне за мое скромнее произведение² (поскольку сама я не решаюсь обременять его высочество письмом с благодарностями).

Я почувствовала во время его визита, насколько скромны мои успехи и насколько многим я обязана добрейшему вниманию его высочества, оказанному произведению, которое, будучи моим первым опытом в роде исторической живописи, появилось без достаточных к тому приготовлений, как нечто несовершенное и не лишенное недостатков.

Ваши пожелания относительно этой картины я исполню самым добросовестным образом и как можно скорее, но поскольку из-за спешки она будет отправлена не специальным отправлением (которое могло бы быть доставлено не ранее чем через восемь недель), но дилижансом, то я, к сожалению, вынуждена во избежание слишком серьезных повреждений при транспортировке отправить ее без рамы. Однако поскольку ни одна картина не может быть представлена без подобного облачения, как Вам хорошо известно, я отважусь просить Вас позаботиться о достойных одеждах для моего бедного дитя, чтобы по прибытии оно не постыдилось показаться его светлости. Я позволю себе (в надежде на то, что Вы сердечно простите мне это и со свойственной Вам добротой поддержите меня) указать величину картины, а также золоченой рамы, чтобы Вы могли заранее заказать подходящее обрамление, в которое она по прибытии сразу могла бы облачиться. А также взять на себя заботу о том, чтобы картину увидели только при хорошем освещении, то есть недалеко от окна.

Пусть Господь ниспошлет Вам благословение за те прекрасные надежды, подаренные Вами, мой несравненный друг! в связи с картиной и моей творческой судьбой, и пусть они сбудутся и пусть благодаря Вашему весомому одобрению появятся новые заказы – иным словом, что было бы еще более счастливым, пусть мое будущее и моя жизнь в искусстве будет более уверенной и более легкой? – В настоящее время я покидаю Италию – религия и дочерняя любовь, эти две важнейшие нити человеческого сердца, принуждают меня пойти на эту жертву – и заставляют меня на некоторое время забыть об искусстве, чтобы послужить утешением и поддержкой моей любимой матери, поскольку моя старшая сестра должна отправиться на юг, чтобы поправить здоровье; лишь горячее желание вновь посетить отчий дом не покидает меня, поддерживает все мои силы и предоставляет необходимые средства для поездки. Для этой цели я подготовила многие из выполненных мною здесь набросков (более 20), чтобы закончить их сейчас на тот случай, если появится заказ на них; и в том, что эти картины будут более удачны, чем Агарь, я уверена, потому что за прошедшее время я сделала огромный шаг на пути в искусстве и заплатила за уроки дорогую цену, которую суждено платить любому новичку.

Для того чтобы Вы имели примерное представление о моих стараниях и усердных трудах, позволю себе приложить для Вас перечень моих начатых и завершенных работ³. Я намеревалась, собственно, предоставить их в черновых набросках с просьбой при случае использовать их для предложения, тем более что время для подобных периферийных работ пришло именно теперь, когда оценивается на вес золота каждая минута моего здесь пребывания, которым Рим позволяет мне воспользоваться с лучшими силами, прежде чем настанет время засухи, когда я, как и ранее, буду вынуждена черпать вдохновение лишь из самой себя и из старых полотен, отражающих красоту природы, то время, которое меня пугало бы, если бы ни нежная материнская любовь, что меня ждет и уравнивает покидаемое духовное наслаждение участием и любовью и умиротворением сердечным, которое я найду.

Очень сожалею, что, как обещала, не могу послать Вам сейчас на память что-нибудь для Вашего альбома, мой дражайший друг и покровитель, но поскольку я хотела бы добросовестно закончить работу, то вынуждена отложить присылку на некоторое время, из-за моего первого и любимого дела, но я чувствую потребность в том, чтобы в свое время предоставить Вам скромное доказательство своей безграничной благодарности в отсутствие чего-то более крупного.

Относительно картины с Агарью я не испытываю иного желания, кроме как того, чтобы она во время своего путешествия к северу могла коснуться Гильдесгейма⁴, дабы предоставить возможность всем моим увидеть ее на ее пути – поскольку гравер в Дрездене в настоящее время не может взять ее в работу. И примите повторно мой привет из старого доброго Рима! Дай Бог нам еще раз здесь встретиться! До самой смерти преданная Вам с благодарностью

<Юлия Эглоффштейн>

Автограф: ОР ИРЛИ. Онегинское собрание. № 28340. Л. 1–2.

В данном письме речь идет о картине Юлии «Hagar und Ismael in der Wüste» («Агарь и Измаил в пустыне»). Этот библейский сюжет снискал популярность в немецкой живописи XIX в., особенно в кругу назарейцев. Одноименные работы принадлежат кисти Л. Зейдлер (Louise Seidler, 1786–1866), А. Рихтера (August Richter, 1801–1873), Ю. Шнорра фон Каролсфельда (Julius Schnorr von Carolsfeld, 1794–1872), П.Э. Якобса (Paul Emil Jacobs, 1802–1866). Отличие сюжетной вариации Юлии Эглоффштейн заключается в том, что мать и сын представлены после появления божественной помощи, Агарь изображается не как беспомощная страдающая женщина, не способная помочь своему ребенку, но как заботливая, любящая мать, спасающая Измаила. При этом фигура ангела на картине не присутствует, божественное участие отражено в падающем с небес на землю солнечном луче (рис. 1).

Рис. 1. Ю. Эглоффштейн «Агарь и Измаил в пустыне»
(«Hagar und Ismael in der Wüste»)

Картина была заказана художнице великим князем Александром Николаевичем от лица русского двора во время его пребывания в Риме вместе с Жуковским, который хлопотал о судьбе Юлии фон Эглоффштейн, порекомендовав ее рисунки наследнику престола. В дневниках Каролины фон Эглоффштейн сохранились такие воспоминания:

Mit dem neuen Lebensmut erwachte auch die Schaffensfreude wieder in ihr, besonders als ihr zu Anfang Februar ein sehr ehrenvoller Auftrag zuteilwurde. Unter den vielen vornehmen Fremden, die den Winter in Rom verlebt, war auch Großfürst Alexander Nikolajewitsch, der russische Thronfolger. Zu seinen Begleitern gehörte Wassilij Joukowsky, der ehemalige Erzieher des jungen Prinzen, der Julie einst in Weimar begegnet war. Er bat sich ihre Skizzen aus, um sie seinem Zögling zu zeigen, und konnte ihr bald die erfreuliche Mitteilung machen, dass der Großfürst sie sehr bewundere, vor allem eine, die in Düsseldorf entstanden war und Hagar in der Wüste darstellt, die ihrem verachteten Sohn Ismael zu trinken gibt. "Monseigneur, - fügte Joukowsky hinzu, - désirerait posséder un tableau de vous d'après cette charmante esquisse, et vous l'obligeriez infiniment en ne vous refusant pas d'entreprendre ce travail". Als Preis dafür bot ihr der Thronfolger die Summe von 1000 Scudi, die ihr gleich nach Beendigung der Arbeit von der russischen Gesandtschaft in Rom ausgezahlt werden sollte. "Der Himmel scheint in der Tat

meine Leidenszeit auf alle Weise vergüten zu wollen", ruft sie aus, indem sie diese beglückende Neuigkeit der Mutter verkündet [1. S. 519–520].

[Перевод] С новой жизненной силой вновь пробудилась в ней <Юлии Эглоффштейн> жажда творчества, особенно когда в начале февраля она имела честь получить заказ. Среди многих иностранцев из высшего общества, проводивших эту зиму в Риме, был и великий князь Александр Николаевич, русский престолонаследник. Его спутником был Василий Жуковский, воспитатель молодого принца, которого Юлия уже встречала в Веймаре. Он попросил ее наброски, чтобы показать их своему воспитаннику, и вскоре сообщил ей радостную весть о том, что великий князь очень восхищался ими, прежде всего одним, созданным в Дюссельдорфе и представляющим Агарь в пустыне, дающую пить своему изнемогающему от жажды сыну Измаилу. "Monseigneur, – добавил к этому Жуковский, – *désirerait posséder un tableau de vous d'après cette charmante esquisse, et vous l'obligeriez infiniment en ne vous refusant pas d'entreprendre ce travail*" [Его высочество желал бы получить Вашу картину по этому очаровательному наброску, и Вы бы бесконечно его обязали, если бы не отказались взяться за это дело]. В качестве платы за рисунок наследник престола предложил ей сумму в 1000 скудо, которая должна была быть выплачена русским посольством в Риме сразу по окончании работы. «Кажется, само небо хочет любым способом скрасить время моих страданий», – восклицает она, сообщая эту счастливую новость матери.

Указание в письме Юлии на тот факт, что полотно было отправлено в Санкт-Петербург без подписи автора, позволило найти следы произведения по его сюжету. В книге «Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи 1928–1929 годов. Архивные документы» [11. С. 419] сообщается, что картина немецкой школы XIX века «Агарь в пустыне» 19 октября 1931 г. возвращена в Эрмитаж из Всероссийского объединения по экспорту «Антиквариат». Избежав продажи за границу, картина не уцелела, поскольку по акции передачи произведений искусства в провинциальные музеи Советского Союза вскоре была отправлена в Луганский музей, в котором погибла во время Второй мировой войны. За полученные сведения приносим большую благодарность научным сотрудникам Эрмитажа Елене Юрьевне Соломахе и Михаилу Олеговичу Дединкину. См. также комментарий к следующему письму.

¹ aber Gott seine Sonne über Gerechte und Ungerechte leuchten lässt / как Бог повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми – из Евангелия от Матфея 4:45.

² für mein geringes Werk / за мое скромное произведение – речь идет об одной из самых известных картин Ю. Эглоффштейн «Агарь и Измаил в пустыне» («Hagar und Ismael in der Wüste»). См. подробнее выше.

³ ein Register meiner hier theils vollendeten theils begonnenen Arbeiten beyzufügen / перечень моих начатых и завершенных работ – рукопись не обнуржена.

⁴ Hildesheim berühren möchte / могла коснуться Гильдесгейма – из письма Жуковского к веймарскому канцлеру Ф. фон Мюллеру от 31 июля (12 августа) 1840 г. известно о том, что он исполнил просьбу художницы:

J'ai vainement attendu votre lettre qui devait décider sur le sort de la comtesse Egloffstein, c'est-à-dire sur Hagar qui étant son enfant, peut aussi avoir le droit de s'appropriier son nom et son titre. Ce tableau se trouve à présent chez M. d'Oubril notre ministre à Francfort. Je l'ai prié de garder encore quelque temps chez lui. Il pourra rester dans cette attente jusqu'à la fin d'août. Dans ce temps on pourra s'adresser à Oubril et faire avec lui toutes les dispositions nécessaires. C'est-à-dire le tableau pourra être envoyé à Hildesheim, y rester un jour, et revenir chez monsieur d'Oubril pour être expédié après pour Petersbourg. Donnez-vous la peine de prendre sur vous tous ces arrangements. Dites de ma part à la comtesse Julie qu'il m'a été impossible de rien faire pour le moment pour elle. Le temps a été trop court, et l'Impératrice a été trop obsédée par mille autres choses. Mais je reviendrai à l'affaire à mon retour à Petersbourg, qui aura lieu dans le mois d'octobre. Nous nous verrons encore à Weimar, et nous parlerons sur cela plus au long [12].

[Перевод] Я напрасно ожидал Вашего письма, которое должно было решить судьбу графини Эглоффштейн, то есть Агари, которая, будучи ее детищем, может иметь право взять ее имя и титул. Эта картина находится теперь у г-на Убриля, нашего министра во Франкфурте. Я его просил оставить ее еще на некоторое время у себя. Она сможет находиться у него до конца августа. В это время можно обратиться к г-ну Убрилю и сделать необходимые распоряжения вместе с ним. То есть картина может быть отправлена в Гильдесгейм, остаться там на день, и вернуться к г-ну Убрилю для отправки в Петербург. Постарайтесь взять на себя все приготовления. Скажите от меня графине Юлии, что мне пока было невозможно что-либо еще сделать для нее. Времени было мало, и Императрица была поглощена многими другими делами. Но я вернусь к этому делу по приезде в Петербург в октябре месяце. Мы увидимся в Веймаре и поговорим об этом более основательно.

**5. Julie von Egloffstein an V. Joukoffsky
den 29. Mai 1840, Rom**

Da das Bild leider noch sehr frisch ist und deshalb zu befürchten steht, dass sich auf der Reise viel Staub und Unreinlichkeit darauf festsetzen möchte, welche demselben Schaden thun können, ersuche ich Sie, mein verehrtester Freund! es von einem Sachverständigen sorgsam untersuchen und mit Firnis überziehen zu lassen, bevor es gesehen werde. Dieser trocknet in wenig Stunden und giebt dem Ganzen mehr harmonischen Einklang. Gebe nur Gott dass es glücklich anlange und nicht allzu sehr missfalle. Es wäre unendlich güthig, wenn Sie meiner Mutter (nur mit einem Wort) seine Ankunft melden möchten, um mich dadurch aus aller Sorge zu reißen. Ich habe keinen Namen darauf gesetzt, sollte dieser jedoch nöthig sein, so kann jede fremde Hand dies nachhohlen und zwar am besten auf der Rückseite des Bildes, wobey angemerkt werden könnte dass es der erste Versuch im Historischen von einer Dilletantin sey – was mir sehr zur Beruhigung gereichen wird Indessen überlasse ich alles Ihrer eigenen Einsicht u. empfehle mich noch einmal Ihrem gütigen Andenken und fernerem Rathschlusse aufs aller angelegentlichste.

Die Auslage für die Transportkosten habe ich, da H. v.¹ verreist ist, durch die Postdirektion berichtigen lassen, welche sich deshalb mit der in Darmstadt verständigen und dafür bezahlt werden wird.

Ach wenn sich doch mit dieser Leichtigkeit in einen Kasten einpacken u. der Gegenwart zusenden ließe! mir steht noch ein harter Kampfes des Losreißen bevor, vor welchem mir schon jetzt graut - da aber Gott mir kämpfen hilft, habe ich denselben zu bestehen und mutig alle die Bande zu lösen, welche mich an Rom u. diese herrliche Villa unauflöslich zu fesseln scheinen.

Villa Malta am
29.ten Mai 1840

**5. Юлия Эглофштейн к В.А. Жуковскому
29 мая 1840 г., Рим**

Поскольку картина еще слишком свежа и потому следует опасаться, что при перевозке на нее может осесть много пыли и гря-

зи, причинив ей таким образом вред, я прошу Вас, мой дражайший друг! о том, чтобы по прибытии ее внимательно осмотрел мастер и чтобы ее покрыли лаком, прежде чем выставлять напоказ. Он высохнет за несколько часов и придаст большее гармоническое звучание. Дай Бог, чтобы только картина счастливым образом была доставлена и притом не слишком пострадала. Было бы замечательно, если бы Вы (только лишь одним словом) сообщили моей матери о ее прибытии, чтобы избавить меня от этих переживаний. Я не оставила своего имени на картине; если же это необходимо, то это может сделать любой другой, лучше на оборотной стороне картины при этом следует обозначить, что это первый опыт в жанре исторической живописи одной дилетантки – это позволит мне быть значительно спокойнее. В остальном я оставляю все на Ваше собственное усмотрение и позволяю тем самым напомнить Вам о себе и отдаю себя на Ваш далекий суд.

Затраты на транспортировку я попросила оформить в почтовом управлении, поскольку Н.в.¹ в отъезде, но будут оплачены в Дармштадте.

Ах, если бы можно было с той же легкостью упаковать себя в коробку и отправить в настоящее! Мне предстоит еще тяжелое сражение в связи с отъездом, которого я боюсь – но так как Бог погает мне бороться, я должна выстоять и мужественно порвать все путы, которые, как кажется, неотрывно связывают меня с Римом и этой прекрасной виллой.

Вилла Мальта

29 мая 1840

Автограф: ОР ИРЛИ. Онегинское собрание. № 28340. Л. 3—4 об.

Как и в прошлом письме художницы, в данном случае речь идет о переправке картины «Агарь и Измаил в пустыне». Единство темы и содержания, а также отсутствие подписи после текста от 25 мая и обращения в начале следующего письма позволяют предположить, что письмо, написанное четырьмя днями позже, является продолжением первого и было послано Жуковскому вместе с ним.

¹ Н.в. – установить данное лицо не удалось.

6. Caroline von Egloffstein an V. Joukoffsky
<Oktober 1840. Düsseldorf>

Dienstagabend

Hier, mein theurer, gütiger Freund, folgt der Betrag unserer Schuld mit tausendfachem Dank zurück!

Die Post hat soeben das längst erwartete Geld gebracht u. ich eile, Ihnen die 100 Thaler statt einem Blatt, in zwei Hälften wiederzusenden.

Gott segne u. behüte Sie, u. erhalte Sie allerseits so glücklich als wir jetzt Sie gesehen! Unser Segen und unsere treuesten Wünsche werden immerdar mit Ihnen u. den Theuren Ihres Herzens sein. Schenken Sie uns ein freundlich Andenken – leider konnten wir nicht, wie wir gehofft, heute noch einmal die Freude genießen, Sie zu sehen, die Tribulationen unseres Aufenthalts hier, dauerten bis zum letzten Moment u. verbitterten oder entzogen jeden Genuss. Julie sendet zur Ansicht nur, was Ihnen bestimmt gewesen war, wenn nicht die ungünstigsten Sterne alles verderben ließen. - Die Zeichnung¹ legt sich daher Ihnen nun vor Augen, damit Sie nicht an dem getreuesten Andenken der Malerin zweifeln u. für die Zukunft den Ersatz erwarten mögen!!

Frau Elisabeth² den wärmsten Segensgruß u. den theurem Eltern die besten Wünsche

Gottes Reich und Freude

sei mit Ihnen allen

Caroline Egloffstein

die schlechte Schrift verzeihen Sie wohl den schlechten Augen und der Dunkelheit.

6. Каролина Эглоффштейн к В.А. Жуковскому
<Октябрь 1840 г., Дюссельдорф>

Вечер вторника.

Мой дорогой, добрый друг с этим письмом возвращаю наш долг с тысячекратной благодарностью! По почте пришли долгожданные деньги, и я спешу отослать Вам 100 талеров двумя частями, вместо одной купюры. Пусть благословит и защитит Вас

Господь и сохранит Вам то же счастье, в котором мы видели Вас! Наше благословение и наилучшие пожелания всегда пребудут с Вами и верными Вашему сердцу людьми! Вспоминайте о нас с дружескими чувствами – к сожалению, мы не смогли, как надеялись, еще раз испытать радость встречи с Вами, мучения нашего пребывания здесь продолжались до последнего момента и отравляли или же лишали нас всякого удовольствия. Юлия отправит пока лишь только для ознакомления то, что предназначалось Вам, если неблагоприятное расположение звезд все не испортит.

Рисунок¹ лежит у Вас перед глазами, чтобы Вы не сомневались в верности и преданности художницы и ожидали дополнений в будущем! Передавайте самый теплый привет и благословение Вашей супруге Элизабет² и наилучшие пожелания ее родителям.

Царствие Божие и радость
Да пребудут со всеми вами
Каролина Эглоффштейн

Простите мой дурной почерк, происходящий от дурного зрения и освещения.

Автограф: ОР ИРЛИ. Онегинское собрание. № 28339. Л. 8–8 об.

Основанием для датировки письма является указание на посещение сестрами семьи Жуковского и знакомство с его невестой Элизабет фон Рейтерн. В дневнике поэта имеется запись от 22 сентября / 4 октября 1840 г.: «У нас ввечеру Каролина и Юлия Эглоффштейн» [13. С. 223]. Из Дюссельдорфа поэт уехал 8/20 октября 1840 г. Следовательно, письмо было, скорее всего, написано до его отъезда, т. е. в октябре 1840 г. (по новому стилю) в Дюссельдорфе.

После женитьбы Жуковский не прекращал доверительного общения с семьей Эглоффштейн, о чем свидетельствует фрагмент из его письма к Ф. фон Мюллеру от 15 (27) декабря 1846 г., отправленного из Франкфурта-на-Майне, где говорится об обращении поэта с личной просьбой:

Au passage de Monseigneur le Grand Duc j'ai eu le bonheur de le rencontrer par hasard chez la comtesse Egloffstein. <...> J'ai prié la comtesse Egloffstein de publier mon désastre. Je ne sais pas si elle l'a fait [12. Bl. 73].

[Перевод] Мне выпало счастье встретиться случайно с Его Высочеством Великим Князем у графини Эглоффштейн. <...> **Я попросил графиню** Эглоффштейн рассказать о моем бедствии, но не знаю, выполнила ли она мою просьбу.

¹ Die Zeichnung / Рисунок – в архиве Жуковского не сохранился.

² Frau Elisabeth / Вашей супруге Элизабет – Элизабет фон Рейтерн (1821–1856), супруга В.А. Жуковского.

7. Caroline von Egloffstein an V. Joukoffsky den 2. Mai 1841, Hildesheim

Hildesheim, den 2ten May 1841

Sie sind es längst gewöhnt, mein theurer, unvergleichlicher Freund, dass ich in jeder Bedrängniss meine Zuflucht zu Ihnen nehme und werden es mir – wie früher auch heute verzeihen, wenn ich in größter Eile mich an Sie zu wenden wage, da es eine Angelegenheit meiner Schwester Julie gilt, die mir sehr schwer auf dem Herzen liegt. - Die Sache ist folgende.

Der Kunstl. Sachse in Berlin¹ hat sich nehmlich erdreistet, ein Gemälde Juliens², das ihm von London aus, blos für die Berliner Ausstellung übersendet ward und schon einen andern bestimmten Zweck hatte, - nicht allein ohne ihre Erlaubniss während ihrer Anwesenheit in Italien zu seinem Vortheil in Kopie stechen zu lassen /was zum doppelten Schaden für die Künstlerin ward, indem einer der ersten Verleger Londons es für ein ansehnliches Honorar stechen und heraus geben wollte/ - sondern auch, und trotz dem ausdrücklichen Gebot meines Mannes³ an Hr. Sachse, dass dieses Bild nicht zu verkaufen sei, ohne alle Anfrage nach Sa. Petersburg zu schicken!!! Hr. Sachse sucht zwar jetzt, da er uns erst vor wenig Tagen diese Nachricht statt der Rücksendung des oftmals begehrten, fraglichen Bildes zukommen lassen, mit der Entschuldigung auszureden, daß Herr von Chambeau⁴ ausdrücklich befohlen, dasselbe andern Kunstwerken beizufügen, welche bestimmt worden, Ihrer Majestät der Kaiserin zur Auswahl vorgelegt zu werden. - Allein wenn wir auch diese ehrenvolle Auszeichnung glauben dürften, so wäre Hr. Sachse dennoch nicht entschuldigt, da Hr. von Chambeau die Unverkäuflichkeit des Bildes

nicht ahnen konnte, und der Kunsthändler mit <unleserlich>lich unverzeihlicher Eigenmächtigkeit über fremdes Eigenthum disponiert hatte! Trotz dem, dass Hr. Sachse stets rühmlichst gepriesen wird, und ich ihn persönlich als einen <unleserlich>then Mann gekannt habe, lässt es sich doch nicht anders erklären als dass er besondere Ursachen bei diesem unverzeihlichen Verfahren gehabt, und sich vermuthlich mit der Haltung geschmeichelt habe, wir würden gegen das, von ihm begonnene Unternehmen, nichts zu thun vermögen. Dass dabei große Berechnung zum Grunde liege, lässt sich fast mit Gewissheit aus dem heftigen Eifer annehmen womit er unsere (über die Zeile geschrieben: persönliche) Einmischung sich verbeten, weil er befürchtet, die näheren Aufschlüsse die wir erhalten könnten, möchten den Vortheil verringern, den er erwartet, - oder strenge Rechenschaft von ihm (über die Zeile geschrieben: zu) fordern, uns veranlassen. - Und hierinnen hat er sich auch nicht verrechnet, denn wir hoffen sicher durch Sie, theurer Freund, baldigen und genauen Aufschluss zu erhalten, und, mit Sicherheit zu erfahren, wie die Sache steht.

Dies ist jedoch nicht das Einzige, was Julie von Ihrem menschenfreundlichen Wohlwollen erbitte, - sie hofft vielmehr, durch Ihre vermögende Vermittlung den unangenehmen Folgen vorzubeugen, welche das wider-rechtliche Verfahren des Kunsthändlers für sie herbeiführen könnte. Ich soll Ihnen daher nebst den treuesten, innigsten Grüßen, im Namen der Malerin sagen, dass (ein Wort unleserlich/fehlt): in dem Fall diesem früheren Kunstversuch die Ehre wiederfahren sollte von Ihrer Majestät der Kaiserin⁵ oder einem hohen Mitglied der Kaiserlichen Familie beliebt zu werden, sie bereit sei solches den erhabenen Händen zu überlassen, - obgleich des längst einer andern Königlichen Gönnerin⁶ bestimmt gewesen wäre.

Wie Sie leicht begreifen werden, Theurer Freund, beklagt Julie (ein Wort verloren) ihre, Ihnen hinlänglich bekannte Lage, sie zwänge (ein Wort verloren) Rücksicht auf pecuniären Vortheil zu nehmen, den sie durch diese Arbeit zu erwarten berechtigt gewesen.

Sie gaben meiner Julie schon bereits so liebevolle und grose Beweise Ihrer Theilnahme, dass sie mit uneingeschränktem Vertrauen (ein Wort fehlt) Ausgleichung des misslichen, abschreckenden Ge-

schäftes Ihrem eigenen Ermessen überlässt und keinen bestimmten Preis für ihr Bild zu fordern, sich erlaubt. Unter 80 Louisdors hätte es Julie keinem Privatmann überlassen, weil die landschaftliche Umgebung wie ein zweites Gemälde zu betrachten ist und (über die Zeile geschrieben: und gegenwärtig weniger) als je weil ihr letzter Aufenthalt in Italien ihr kleines, theils erworbenes, theils durch einen Glücksfall ererbtes Vermögen von 7000 Thalern, trotz ihrer unendlichen Sparsamkeit, völlig aufgezehrt und sie in die Nothwendigkeit versetzt hat, sich von neuem durch angestrengten Fleiss, neue Mittel für ihre Zukunft zu sammeln.

Sie beauftragt mich daher in ihrem Namen zu erklären, dass sie unter diesem Preiss nicht gesonnen sei das Bild zu vergeben, und dass sie denjenigen den Hr. Sachse nach seinem eigenen Gutdünken festgesetzt haben könnte, vollkommen *désavouire*, und in diesem Falle auf kostenfreie Zurücksendung des Bildes bis hierher, bestehen würde.

Um sich aber diesen, in vieler Hinsicht wichtigen Kunstfreund der von ihren Arbeiten stets enthusiastisch gewesen und für künstlerische Unternehmungen von großem Nutzen ist, nicht zum Feind zu machen, so ersucht Julie Sie dringend, diese Angelegenheit mit grösster Vorsicht einzuleiten und gegen Herrn von Chambeau den Verlauf der Sache nicht früher zu erwähnen, bis Sie selbst vollkommen von ihm den Hergang erfahren, und sich von allem au fait gesetzt haben.

Herr Sachse ignoriert, dass wir die Vermittlung unserer Freunde in Peterburg in Anspruch nehmen, damit er keine Vorkehrungen treffen und uns verhindern möge, die Wahrheit zu ergründen. Es liesse sich überdies mit Bestimmtheit <unlesbar – 1 Wort>, dass Herr von Chambeau sich geneigter fühlen dürfte, den liebenswürdigen und thätigen Geschäftsmann statt meiner, ihm unbekannten Schwester, zu begünstigen; - weshalb für dieselbe die größte Vorsicht nöthig gemacht wird, die ich Ihrem Herzen dringend anempfehle.

Julie mahlt jetzt allen Hindernissen und Störungen ungeachtet, mit freudigem Eifer und erhöhtem Kunsttrieb, und schreitet kräftig auf dem neugefundenen Weg vorwärts der sie von dem genre des Genre entfernen und auf eine weit höhere Stufe wie bisher, stellen muss. In wenig Wochen wird ein lebensgroßes Bild, die Aussetzung Moses⁷,

beendet sein, dass mit der Hagar, die nun der Übergang vom Genre zum Historischen gewesen, nicht verglichen werden dürfte. Sowohl in historischer Composition als in Farbe und Behandlung, steht es höher als die früheren Arbeiten meiner Schwester, und ich darf, - seitdem (über die Zeile geschrieben: ich) mein Urtheil durch die Bekanntschaft mit den höchsten Kunstschatzen der Welt geschärfter und gereifter empfinde, wohl mit getroster Zuversicht von den Leistungen meiner Julie Gutes und Bestes erwarten.

Das kleine Andenken, dass meine Schwester Ihnen bestimmte⁸, soll Ihnen erst durch die lieben Hände Ihrer holden Elisabeth übergeben und dadurch lieber gemacht werden. Diese theure Familie hat uns auch kürzlich einen großen Freundesdienst in Beendigung von Juliens Möbelgeschäftsverkauf gegeben, und uns vielfach dadurch mit neuen Banden der Dankbarkeit auch an Sie, mein theurer Freund, geknüpft.

Ich schliesse, mit der Hoffnung dass Sie mir verzeihen – dass Sie meine Bitten erfüllen werden, - indem ich tausend Grüße und Segenswünsche meiner Mutter und Schwester mit den meinigen vereinigt ausspreche, und von dem Himmel die Erhaltung Ihres Glückes erbitte! - Gott segne und behüte Sie! - Sollte sich Willamov⁹, et. et. noch meiner erinnern mögen, (ergänzt: so) grüßen Sie alle herzlichst von der alten, stets unveränderten

Caroline Egloffstein

7. *Каролина Эглоффштейн к В.А. Жуковскому*
2 мая 1841 г., Гильдесгейм

Гильдесгейм, 2 мая 1841

Вы так давно привыкли, мой дорогой, несравнимый друг, что я в любом затруднении ищу у Вас прибежища, и простите мне сегодня, как и ранее, если я решусь обратиться к Вам с очень срочным делом, потому что дело касается моей сестры Юлии, и это ранит мне сердце. Дело заключается в следующем.

Торговец произведениями искусства Заксэ¹ из Берлина имел наглость распорядиться выгравировать копию с одной из картин Юлии², которая была доставлена ему из Лондона только для вы-

ставки в Берлине и имела уже иное предназначение, без всякого ее разрешения и во время ее пребывания в Италии (что нанесло художнице еще больший урон, учитывая, что ей уже был обещан достойный гонорар в Лондоне от одного из издателей за эту работу); несмотря на запрет моего мужа³ г-ну Заксэ продавать картину, он желает без всякого позволения отправить ее в Санкт-Петербург!!

Господин Заксэ и теперь, вместо того чтобы отослать обратно желанную, многократно запрашивавшуюся картину, отважился сообщить нам несколько дней тому назад с извинениями новости о том, что господин Шамбо⁴ отдал категорическое распоряжение присоединить ее к произведениям искусства, которые должны быть представлены для продажи на усмотрение государыни императрицы⁵.

Даже учитывая то, что мы польщены этим обстоятельством, оно не извиняет г-на Заксэ, поскольку г-н Шамбо не мог предполагать того, что картина не продается, а продавец позволил себе непростительное своеволие в отношении чужой собственности! Несмотря на то что г-н Заксэ всегда был почитаем как достойный человек и я знаю его лично, нельзя не предположить того, что у него были особые причины для этого непростительного поступка и он имел свой расчет, чтобы выманить лестью картину, рассчитывая на то что мы не сможем противодействовать учиненному им предприятию.

То, что при этом имел место определенный расчет, можно вполне уверенно предполагать, исходя из непомерного усердия, с которым он препятствовал нашему личному вмешательству, поскольку он испытывал опасения, что разоблачение, к которому мы могли прибегнуть, может лишить его той выгоды, которой он ожидает, – или заставить его по всей строгости расплатиться за содеянное. И тут он также не просчитался, потому что мы надеемся получить скорое и верное разрешение дела только благодаря Вам, дорогой друг, и узнать, как в точности обстоит дело.

Однако это не единственное, в связи с чем Юлия спрашивает Вашего добродетельного участия, надеясь в большей степени на то, что Вы поможете ей избежать неприятных последствий нели-

цеприятного поступка торговца произведениями искусства. А именно я должна Вам выразить от имени художницы вместе с ее самыми теплым сердечным приветом ее пожелание: если государыне императрице или кому-либо из императорской семьи придется по душе ее художественное произведение, то она готова предоставить его такому почтенному покупателю, хотя оно уже было предназначено другой королевской особе⁶.

Как Вы можете себе представить, дорогой друг, Юлия находится в бедственном положении, которое заставляет ее по праву требовать оплаты ее работ. Вам уже доводилось принимать такое сердечное участие в судьбе моей Юлии, что она позволяет себе с неограниченным доверием поручить Вам разрешение этого возмутительного, обманного дела на Ваше усмотрение и не требовать какой-то определенной суммы за картину. Но менее чем за 80 луидоров Юлия не продала бы ее и частному лицу, потому что обстоятельства также играют свою роль, тем более после ее последнего пребывания в Италии. Когда отчасти благодаря счастливому случаю приобретенное состояние в 7 000 талеров, несмотря на ее безграничную экономность, уже полностью исчерпано, и она вынуждена искать средства на будущее. Потому она поручила мне заявить, что за более низкую цену она не готова продать картину, и если г-н Заксэ соизволит решить по-иному, то она настаивает на возвращении картины обратно за счет отправителя.

Но чтобы не приобрести врага в лице этого во многих отношениях важного друга искусств, который всегда был так вдохновлен ее работами и так полезен во всех сделках с произведениями искусства, Юлия просит Вас поскорее, но с большой осторожностью разобраться с этими обстоятельствами и не выступать против г-на Шамбо до тех пор, пока Вы прежде сами все точно не узнаете у него самого.

Г-н Заксэ не принимает во внимание то, что мы обращаемся к содействию наших друзей в Петербурге, чтобы не мешать нам в выяснении правды. Ведь вполне определенно то, что г-н Шамбо охотнее пошел навстречу любезному и деятельному продавцу, чем моей сестре, которая ему незнакома, — поэтому в данном слу-

чае и нужна пущая осторожность, которую я безотлагательно доверяю Вашему сердцу.

Юлия пишет сейчас вопреки всем препятствиям и волнениям с усиленным старанием и радостной жаждой к искусству и значительно продвигается по новому пути, отдаляясь от жанровой живописи и восходя на более высокую ступень. Через несколько недель будет окончена работа над картиной в натуральную величину на сюжет об изгнании Моисея⁷, и она не сравнится с Агарью, которая обозначила переход ее от жанровой к исторической живописи. Как по композиции и цвету, так и по исполнению она значительно превосходит прошлые работы моей сестры, и я, познавшая благодаря Юлии лучшие произведения искусства во всем мире, уверена более прежнего в будущих успехах моей Юлии.

Небольшой подарок на память, который определила Вам моя сестра⁸, должна передать Вам Ваша милая Элизабет и этим сделать его для Вас еще милее. Эта дорогая нам семья оказала нам недавно большую дружескую услугу, посодействовав в продаже мебельного магазина Юлии. А тем самым они еще более привязали нас узами благодарности и к Вам, мой драгоценный друг.

Я завершаю, с надеждой на то, что Вы извините меня, выполните мои просьбы. Передаю тысячу приветов и благословение от моей матери и сестры, присоединяя их к моим собственным, и прошу у Неба сохранить Вам Ваше счастье. Пусть Бог благословит и хранит Вас! – Если Вилламов⁹ и другие еще помнят меня, передайте им всем сердечный привет от старой, все еще прежней
Каролины Эглоффштейн

Автограф: ОР ИРЛИ. Онегинское собрание. № 28339. Л. 2–3 об.

Как удалось установить, в данном письме речь идет, скорее всего, о картине Юлии «Schlafendes Kind am Waldboden» (досл. «Спящее дитя на лесной опушке»), в российском искусствоведении известной как «Девочка, спящая на траве» (рис. 2), которая предназначалась для собрания королевы Великобритании. Благодаря данному письму выяснилось, что она оказалась в руках тор-

говцев, предложивших ее императрице Александре Федоровне. Картина была приобретена и находилась после смерти российской императрицы в Ропшенском дворце. В каталоге работ художницы воспроизводится сохранившаяся в одной из частных коллекций гравюра меццо-тинто с оригинала Юлии Эглоффштейн, выполненная Фридрихом Ольдерманном и опубликованная Заксэ. Автор описания вполне справедливо указывает, что «на картине, изображающей трехлетнюю Элизу Раутерт, графине Юлии удался, пожалуй, лучший из детских образов во всем ее творчестве» [4. С. 171]. Предположение, что оригинал все же попал в собрание королевы Великобритании и Ирландии Аделаиды (урожд. немецкой принцессы Адельгейды Саксен-Мейнингенской, 1792–1849), является ошибочным, о чем говорит содержание приведенного письма.

Рис. 2. Ю. Эглоффштейн «Девочка, спящая на траве»
(«Schlafendes Kind am Waldboden»)

О девочке, изображенной на картине, известно немного. В архиве Гете и Шиллера в Веймаре сохранились два ее письма,

адресованные Августе фон Эглоффштейн и представляющие собой короткие стихотворные посвящения. Первое из них датируется 5 ноября 1839 г. и содержит три четверостишия с поздравлением ко дню рождения графини, которая сама охотно занималась поэтическим творчеством. Второе письмо Элизы Раутерт составляют шесть строк, отправленных юной поэтессой графине Августе, которую она называет «дорогой тетей» («theure Tante»), к новому 1840 г. [14]. Вероятно, близкая дружба девочки с младшей сестрой художницы и определила ее выбор в качестве модели для картины, о которой идет речь в публикуемом письме.

К сожалению, судьба этой картины та же, что у «Агари» (см. комментарий к прошлому письму): после неудачного предложения на продажу она была передана в город Луганск, где погибла во время Второй мировой войны.

¹ Der Kunsth. Sachse in Berlin / Торговец произведениями искусства Заксэ – Louis Friedrich Sachse (1798–1877), известный литограф, издатель, галерист.

² ein Gemählde Juliens / копию с одной из картин Юлии – как удалось установить, речь идет о картине Ю. Эглоффштейн «Девочка, спящая на траве» (см. подробнее комментарий после текста письма).

³ trotz dem ausdrücklichen Gebot meines Mannes / запрет моего мужа – Болье-Марконней Карл Вильгельм (Karl von Beaulieu-Marconnay, 1777–1855), барон, обер-шенк двора герцога Ольденбургского, второй супруг графини Г. фон Эглоффштейн и отчим Каролины и Юлии.

⁴ Herr von Chambeau / господин Шамбо – Шамбо Иван Павлович (1783–1848), секретарь императрицы Александры Федоровны. Управлял ее канцелярией. Обучал наследника немецкому языку.

⁵ Ihrer Majestät der Kaiserin / государыни императрицы – Александра Федоровна (урожд. принцесса Шарлотта Прусская, 1798–1860), супруга Николая I, мать Александра II, императрица российская в 1825–1855 гг.

⁶ andern Königlichen Gönnerin / другой королевской особе – королева Великобритании и Ирландии Виктория (1819–1901), правившая государством с 1837 г. до смерти.

⁷ ein lebensgroßes Bild, die Aussetzung Moses / над картиной в натуральную величину на сюжет об изгнании Моисея – установить более подробные данные об этой работе не удалось, в каталоге художницы

она не значится. Сюжет об изгнании Моисея был так же популярен в европейской живописи, в том числе у назарейцев и художников дюссельдорфской школы, с которыми графиня была тесно связана, как и изображение Агари и Измаила.

⁸ Das kleine Andenken, dass meine Schwester Ihnen bestimmte / Небольшой подарок на память, который определила Вам моя сестра – в публикуемых письмах говорится о двух подарках от Юлии, переданных Жуковскому в благодарность за участие в судьбе художницы (о первом рисунке см. примеч. 1 к письму 6). В росписи картин, предлагаемых по-этом в 1850 г. на продажу королю Фридриху-Вильгельму IV с целью выручки средств для генерала Радовица, напротив фамилии Egloffstein указана работа «Un mendiant» («Нищий») [15. С. 174]. Речь идет, очевидно, об одном из рисунков, начатых Юлией в Италии. Вероятно, именно она упоминается в заметке из приложения об искусстве к одной из немецких газет, вышедшей в конце августа 1837 г. Ее автор сообщал, что в Гильдесгейме организована выставка художницы, на которой экспонировались оконченные и незавершенные работы с видами Италии, оказавшие на него приятное впечатление. Одной из них был набросок, изображающий «старого нищего» («ein alter Bettler») [16. S. 287].

⁹ Willamov / Вилламов – см. примеч. 11 к письму 3.

Литература

1. *Egloffstein H.* Alt-Weimar's Abend. Briefe und Aufzeichnungen aus dem Nachlasse der Gräfinnen Egloffstein. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1923. 257 s.
2. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т.: Издательский дом ЯСК, 2018. Т. 15: Письма 1806–1827-х гг. 1088 с.
3. *Никонова Н.Е.* В.А. Жуковский и немецкий мир. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. 496 с.
4. Goethes glückliche Zeichnerin? Das unvollendete Künstlerleben der Julie Gräfin von Egloffstein. Ausstellungskatalog. Hildesheim: Hildesheim Roemer-Museum, 1992. 211 s.
5. Собрание немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского / Gesammelte deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Žukovskij / Подготовка текстов, ком. и прил.: Н.Е. Никонова (гл. ред.), П.А. Ковалев, К.И. Дубовенко, Е.А. Вишнякова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 348 с.
6. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13. 608 с.
7. *Никонова Н.Е.* Книга как многомерное пространство коммуникации: «Вера, любовь, надежда» И.Г.Б. Дрезеке в восприятии В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3 (15). С. 113–125.

8. Universitätsbibliothek <Leipzig>; Autographensammlung Kestner Signatur: Slg. Kestner/II/C/VII/80/Nr.3;80; Nr. 3.
9. GSA 13 / 170,1. Bestand Egloffstein Karoline Gräfin v. Egloffstein. Eingegangene Briefe. Mueller. F. v. 1816–1827. Bl. 18.
10. Aus einem Tagebuche. Gedichte der Gräfin Auguste von und zu Egloffstein. Weimar: H. Böhlau, 1864. 246 s.
11. Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи 1928–1929 годов. Архивные документы. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2006. 532 с.
12. GSA 68 / 444. Bl. 40.
13. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 14. 768 с.
14. Goethe- und Schiller Archiv in Weimar. GSA 13/458.
15. Русский библиофил. 1912.
16. Morgenblatt für gebildete Leser. Bd. 31. Kunstblatt № 69, vom 29. August 1837.

**LETTERS FROM THE SISTERS EGLOFFSTEIN TO V.A. ZHUKOVSKY:
FROM THE HISTORY OF EUROPEAN LITERATURE AND PAINTING**

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 11, pp. 53–96. DOI: 10.17223/24099554/11/3

Natalia Ye. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: Vasily Zhukovsky, Julie von Egloffstein, Caroline von Egloffstein, correspondence, 19th-century German painting, Weimar, institutional history of literature, institutional history of painting.

The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF) Grant No. 19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

In the modern humanities, fiction is seen as a system of texts directly related to different social institutions, which organize the reproduction and functioning of culture. As is known, Russian literature became independently institutional in the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries. It happened partly due to the activities of some outstanding writers who became organizers of literary life. One of them was Vasily Zhukovsky. First of all, Zhukovsky gave an imperial and social-ideological meaning to the model of circle (friendly) literature, which dominated in the beginning of the 19th century, by establishing contacts with institutions of power and imperial communication channels (the court circle, special departments, the censorship office). Zhukovsky became a mentor and friend of the royal dynasties in Russia and Europe. On the one hand, the letters of German countesses Julie von Egloffstein and Caroline von Egloffstein, preserved in Zhukovsky's archive and published for the first time, show the importance of his activities in organizing collections of

paintings (the State Hermitage Museum collection). On the other hand, the correspondence between the sisters Egloffstein and Zhukovsky allows to supplement information about Zhukovsky's contacts with Germany, the Weimar novelists and European artists.

Zhukovsky's correspondents were Caroline (1789–1868) and Julia (1792–1869) von Egloffstein. They were daughters of Countess Henriette von Egloffstein (1773–1864) who went down in the history of German literature because of her memories about the Weimar followers of Goethe. Originally, these memories were not published because they were meant for her daughters. However, they were partly presented in the famous book of G. von Egloffstein *Alt Weimar's Abend. Briefe und Aufzeichnungen aus dem Nachlasse der Gräfinnen Egloffstein*. After divorcing Count Egloffstein-Arkitten, her distant relative, the countess moved to Weimar and entered the circle of poets, writers and musicians organized by Grand Duchess Anna-Amalia. Like their mother, Caroline and Julia, as well as their sister Augusta, played a crucial role in the institutional history of German arts: they served at the court, maintained close friendship and business relations with the imperial families in Europe and Russia. However, their own heritage is still little known. There are few sources for a complex study of Augusta's literary activities, Julia's paintings, Caroline's musical works and circle activities. The published letters to Zhukovsky partially fill this gap.

The study of Zhukovsky's role in the institutional history of Russian literature became relevant in the 2000s–2010s for the following reasons: (1) the work on the publishing of his works was finished, and the work on the publishing of his letters began; (2) Zhukovsky's activities were interpreted as culture triggering in the space of the Russian and German transfer. However, the necessity to study Zhukovsky's correspondence with the sisters Egloffstein is explained by some urgent tasks. For the 200th anniversary of the birth of Julia von Egloffstein, a catalogue of her works was first published. This edition showed the many gaps in the heritage of the countess that had to be filled. In addition, some of her works are about Russia and the State Hermitage Museum. To answer the questions of European colleagues about Julia's paintings, the author of the article analyzed the countesses' letters never studied before.

The published letters show the fate of some paintings of Julia von Egloffstein, for example, "Hagar und Ismael in der Wüste" ("Hagar and Ishmael in a Desert"), "Die Aussetzung Moses" ("The Exile of Moses"), "Schlafendes Kind am Waldboden" ("A Girl Sleeping on the Grass"), and the scale of Zhukovsky's contacts with the Weimar writers, as well as add to our knowledge about Zhukovsky's role in the institutional history of the Russian and European cultural ties.

The seven letters of Caroline and Julia von Egloffstein in German and French are published in chronological order and in the spelling of the handwritten originals. The translations are made by the author of the article. Details of the facts, personalities, works of art mentioned in the letters are given in the commentaries.

References

1. Egloffstein, H. (1923) *Alt-Weimar's Abend. Briefe und Aufzeichnungen aus dem Nachlasse der Gräfinnen Egloffstein*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
2. Zhukovskiy, V.A. (2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 15. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Nikonova, N.E. (2015) *V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir* [V.A. Zhukovsky and the German world]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo.
4. Hildesheim Roemer-Museum. (1992) *Goethes glückliche Zeichnerin? Das unvollendete Künstlerleben der Julie Gräfin von Egloffstein. Ausstellungskatalog*. Hildesheim: Hildesheim Roemer-Museum.
5. Nikonova, N.E. (ed.) (2018) *Sobranie nemetskikh sochineniy i avtoperevodov V.A. Zhukovskogo / Gesammelte deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Zhukovskij* [Collection of German writings and self-translations of V.A. Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Nikonova, N.E. (2011) Book as a multilevel space of communication: The Faith, Love, Hope by J.G.B. Draseke interpreted by V.A. Zhukovsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (11). pp. 113–125. (In Russian).
8. Universitätsbibliothek <Leipzig>. *Autographensammlung Kestner* Signatur: Slg. Kestner/II/C/VII/80/Nr.3;80; Nr. 3.
9. GSA 13 / 170,1. *Bestand Egloffstein Karoline Gräfin v. Egloffstein. Eingegangene Briefe*. Mueller, F. v. 1816–1827. Bl. 18.
10. Egloffstein, A. (1864) *Aus einem Tagebuche. Gedichte der Gräfin Auguste von und zu Egloffstein*. Weimar: H. Böhlau.
11. State Hermitage Museum. (2006) *Gosudarstvennyy Ermitazh. Muzeynye rasprodazhi 1928-1929 godov. Arkhivnye dokumenty* [State Hermitage Museum. Museum sales of 1928–1929. Archival documents]. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh.
12. GSA 68 / 444. Bl. 40.
13. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Goethe- und Schiller Archiv in Weimar. GSA 13/458.
15. *Russkiy bibliofil*. (1912).
16. *Morgenblatt für gebildete Leser*. (1837) Bd. 31. Kunstblatt No. 69, vom 29. August.